
Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 3)

Бовина И.Б.*¹ доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (innabovina@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В.*, кандидат психологических наук, доцент, декан кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (dvorian@gmail.com)

Гаямова С.Ю., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (sgayamova@yandex.ru)

Милехин А.В., проректор по внеучебной и социальной работе, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (milehinav@mgppu.ru)

Будыкин С.В.*, аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (moscow858@yandex.ru)

В статье излагается заключительная часть результатов научно-исследовательского проекта. Общая цель исследования – анализ обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах учителей. Исследование опирается на положения теории социальных представлений, в частности, о связи социальной практики и социальных представлений. *Объект исследования* – учителя общеобразовательных школ, выборку составили 102 человека в возрасте от 22 до 65 лет, (M= 39,36 лет; SD=11,12 лет, 91 женщина и 11 мужчин). В зависимости от опыта обучения школьников различного возраста все респонденты были разбиты на три группы: обучающие детей, обучающие подростков, обучающие детей и подростков. *Предмет исследования* – специфика обыденных представлений учителей об информационной безопасности детей и подростков. Проверяемые предположения касались специфики социальных представлений об информационной безопасности в зависимости от опыта взаимодействия со школьниками различного возраста. Для проверки предположений была разработана анкета,

---

¹ Работа авторов, отмеченных звездочкой (*), получила финансовую поддержку в рамках гранта РГНФ (15-06-10649).

включавшая 6 частей: В *первой части* респондентам предлагается оценить тот или иной тип информации с точки зрения угрозы, которую она представляет для безопасности детей и подростков. В *последующих четырех частях* анкеты респонденты отвечают на вопросы так называемых «виньеток» (гипотетических ситуаций), в каждом случае необходимо предложить план действий в ситуации. В *последней части* содержатся социально-демографические вопросы. В этой, заключительной, части работы обсуждаются результаты, касающиеся двух последних гипотетических ситуаций.

Ключевые слова: информационная безопасность детей и подростков, теория социальных представлений, информация, угрожающая здоровью и развитию детей, учителя, действия по обеспечению информационной безопасности детей и подростков.

Для цитаты:

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 3). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 138-148. doi: 10.17759/psylaw.207070311

For citation:

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.Yu., Milekhin A.V., Budykin S.V. Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 3). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.138-148. doi: 10.17759/psylaw.2017070311

В этой части работы мы излагаем результаты, полученные по двум гипотетическим ситуациям, касающимся подростков. Теоретическая канва и методологическая стратегия и программа исследования, а также часть полученных результатов уже изложены нами в ряде публикаций [2; 3; 4], здесь позволим лишь напомнить проверяемые гипотезы, указав на те из них, относительно которых необходимо сделать выводы на основе материала, анализируемого в этой статье.

1. Соотношение предписывающих эти функциональных элементов будет варьировать в трех группах, а именно: если опыт взаимодействия с возрастной группой соответствует возрасту персонажа, то будут преобладать функциональные элементы, если не совпадает – будут преобладать предписывающие элементы.

2. В группе 32 (учителя, обучающие учеников разных возрастов – детей и подростков) имеет место наибольшая сложность скриптов по сравнению с другими группами.

² Также напомним, что в зависимости от опыта взаимодействия с учениками были выделены три категории учителей: учителя, работающие с детьми (*группа 1*), учителя, работающие с подростками (*группа 2*), учителя, работающие как с детьми, так и с подростками (*группа 3*).

Описание и анализ результатов

Готовность к обеспечению информационной безопасности подростков.

Ситуация 3. Анализ ответов в группе 1 в третьей ситуации (родители застают 14 летнего сына за просмотром материалов порнографического характера) показывает, что декларируемые стратегии разрешения проблемной ситуации, предлагаемые учителями, располагаются в промежутке от игнорирования ситуации до просветительской беседы на тему отношения полов. Как и в первых двух ситуациях респонденты предлагают преимущественно одношаговые решения (26 из 33 против 7 из 33 – решение включает два действия).

В целом, складывается впечатление определенной *растерянности* респондентов в данной гипотетической ситуации, тематика вызывает определенную неловкость. Угроза этого типа информации в иерархии занимает 6-е место из 13. Если в предыдущих ситуациях, где чаще всего декларировалась беседа как способ разрешения (в данной ситуации – 7 из 33, при этом только 1 указывает тему беседы – отношение полов), немногочисленный, но чаще всего встречающийся способ решения – выключение компьютера для прекращения просмотра материалов. Другой способ действия в ситуации (в реальности – бездействия) – игнорирование ситуации. Наконец, еще один путь решения – это адресация проблемной ситуации мужу (отцу мальчика), именно отец должен поговорить с сыном; однако не объясняется, о чем именно. Опять же этот результат едва ли удивляет, сходная картинка была в случае родителей в первой части нашего научно-исследовательского проекта. В частности, в 18 случаях из 45 респонденты предпочитали запрет на просмотр подобных видеоматериалов, в 6 случаях запреты сочетались с просветительскими беседами (этот факт обращает на себя внимание, потому что в группе учителей просветительские беседы едва ли предлагались, о чем мы говорили выше). В 10 случаях из 45 респонденты предпочитали игнорировать ситуацию, при этом – в половине этих случаев – респонденты оправдывали свой выбор тем, что с ребенком должен разговаривать отец. Заметим, что в случае учителей игнорирование не сопровождалось переадресацией ответственности мужу.

Среди вопросов, которые родители предлагали выяснить в первую очередь: зачем сын смотрит эти материалы (13 ответов) и откуда у него эти материалы (7 ответов). Элемент, который обращает на себя внимание в ответах респондентов – «выключить» (видеоматериал) (10 ответов), его присутствие конкретизирует и детализирует план действий. В половине случаев этот элемент ситуации сочетался с запретом на просмотр видеоматериалов такого рода в будущем, в другой половине – с выяснением мотивации просмотра.

В группе 2 наблюдалась сходная картина, ответы о действиях в гипотетической ситуации попадали в промежуток от игнорирования до беседы (тема которой едва ли эксплицируется). В отличие от первых двух ситуаций, можно говорить о том, что коммуникация на данную тему едва ли существует между взрослыми и подростками, тематика, при ее относительно высокой позиции в иерархии угрожающих тем, попадает в область табу. Отсюда – чаще всего предлагаемый вариант обсуждения проблемной ситуации с ребенком – в виде беседы, разговора, разъяснения – встречается в единичных случаях (5). Самыми распространенными, но по-прежнему единичными, были варианты – игнорирование (5), запрет (5). Заметим, что данная ситуация могла бы быть использована

как повод поговорить на темы, которые интересуют подростков. Пока же получается, что по вопросам, касающимся сексуальных отношений, подростки используют Интернет как источник информирования, а взрослые едва ли владеют информацией о том, какие именно сайты посещает их ребенок [6].

Дополнительный вопрос, касающийся обсуждения с ребенком сложившейся ситуации, также демонстрирует, что респонденты не имеют готовой стратегии действий; наиболее часто встречающаяся тема беседы (встречающаяся всего в 4 случаях) – объяснение того, что просмотр таких материалов оказывает негативное влияние на психику подростка и ведет к непредсказуемым последствиям (по сути, используется стратегия запугивания, при этом не предлагается вариант действий).

Если сопоставить эти результаты с теми, которые были получены ранее в группах родителей подростков [4], то получается, что родители чаще всего налагали запрет, предлагали вариант «выключить» (видеоматериал) (16 ответов из 35). Однако, в отличие от респондентов в нашем актуальном исследовании, в случае родителей это действие было включено в различные скрипты: выключить видеоматериал и завести разговор об отношениях полов (5 ответов), выключить видеоматериал и выяснить мотивацию просмотра (6 ответов), выключить видеоматериал и запретить последующий просмотр материалов такого рода (5 ответов). В целом, 11 респондентов из 35 готовы к разговору об отношениях полов. Только в 5 случаях респонденты предпочли проигнорировать ситуацию, в двух из них они ссылались на то, что разговаривать с сыном – задача отца. Заметим, что в группе учителей, работающих с подростками, ответственность за проведение беседы не адресовалась мужу (отцу персонажа гипотетической ситуации).

Наконец, в группе 3 предлагаемые действия в гипотетической ситуации варьировали от игнорирования (9) до просвещения (5). Одношаговое решение – как и в других ситуациях – доминировало по сравнению с более-менее простроенной цепочкой действий (42 одношаговых варианта против 5 двушаговых, которые, однако, представляли собой варианты: запрет в сочетании с родительским контролем, запрет в сочетании с разговором без уточнения темы оного, игнорирование ситуации с делегированием ответственности мужу, запрет и переключение внимания (приглашение выпить чаю без какого-либо объяснения ситуации, наконец, только в одном случае предлагалось выяснить мотивацию просмотра и сопроводить этот вопрос объяснением (без указания темы объяснения)). Итак, предлагаемые варианты действий таковы: запрет (16), объяснение (13) (без конкретизации того, что именно будет объясняться (8), просвещение (5)), игнорирование (9), переадресация проблемы мужу (3).

Справедливости ради заметим, что в нашем другом исследовании по представлениям о здоровье (Российско-французский проект «Развитие социальных представлений о здоровье у детей и подростков с точки зрения кросс-культурной перспективы» [1]), реализуемом в настоящее время, на материале фокус-групп было выявлено, что тематика сексуальных отношений едва ли попадает в фокус обсуждения детей и родителей; часто встречающаяся реакция родителей на запрос подростков, в лучшем случае – предложение ознакомиться с литературой, в худшем – игнорирование с переключением внимания на другую тему. Сходным образом тема просвещения как способ поведения в гипотетической ситуации – это скорее обеспечение литературой, но не диалог на тему, волнующую подростка.

Анализ ответов в группе 3 на дополнительный вопрос относительно того, как бы респонденты выстроили коммуникацию с ребенком в этой гипотетической ситуации демонстрирует, однако, достаточно любопытный результат, наиболее частой темой беседы было просвещение, затрагивающее как объяснение отношений между полами; так и различий между тем, что демонстрируется в материалах порнографического характера и тем, что являются собой реальные отношения; вопросы контрацепции (13). Наряду с этим респонденты высказывали готовые вопросы, сформулированные таким образом: «Зачем ты смотришь это?», «Откуда у тебя это?» (6). Едва ли так сформулированные вопросы будут способствовать построению доверительных отношений и диалогу.

На основе анализа декларируемых действий в гипотетической ситуации можно говорить, что во всех группах учителей стратегия обсуждения ситуации и предложение подростку какого-то альтернативного действия едва ли наблюдается, как будто бы утрачивается диалог между родителями и детьми (подросткового возраста).

В трех группах средние значения по шкалам, позволяющим замерять эмоциональные реакции, ассоциирующиеся с ситуацией, практически во всех случаях были ниже теоретической середины (группа 1 – от 2,22 до 4,1; группа 2 – от 1,8 до 3,8; группа 3 – 1,91 до 3,55). Только в одном случае (в группе 1) была выявлена незначительная реакция стыда в связи с гипотетической ситуацией ($M=4,1$, $SD=2,1$). Мы усматриваем некоторое рассогласование в полученных результатах: с одной стороны, тема порнографии оценивается как угроза информационной безопасности несовершеннолетних, респонденты во всех группах демонстрировали неловкость, что объясняет желание проигнорировать ситуацию, делегировать мужу ответственность за обсуждение темы отношений между полами. С другой стороны, показатели по шкалам выглядят заниженными во всех группах и едва ли согласуются со стратегиями действий.

Ситуация 4. Наконец, последняя гипотетическая ситуация была такова: родитель случайно обнаруживает на столе дочери брошюру, призывающую совершить самоубийство. События весны 2016 г., связанные с действием в социальных сетях групп, пропагандирующих совершение самоубийства и случаи самоубийств, свидетельствуют о том, что ситуация далека от того, чтобы быть всего лишь теоретической реальностью [5]. Заметим, что и предыдущие ситуации были сформулированы на основе наблюдений за реальными событиями.

Палитра способов решения гипотетической ситуации в группе 1 включала следующие действия: обсуждение (без уточнения темы), выяснение мотивации обращения к такой литературе (12), запрет на чтение (забрать брошюру) (6), обращение за помощью (к психологу – 6, к врачу – 1, в церковь – 1). Обратим внимание, что в этой ситуации (по сравнению с предыдущими тремя) респонденты чаще старались построить стратегию, включающую ряд действий: выявление причин и обращение за помощью, беседа с дочерью и запрет на чтение и пр.

Дополнительные вопросы, касающиеся беседы с дочерью, позволили выявить ряд тем: с одной стороны, респонденты пытались провести диагностику ситуации (18), чаще всего предлагалось сделать это посредством прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (13); другие вопросы были направлены на выяснение проблем дочери (например, «что тебя беспокоит?») (5). С другой стороны, коммуникация, обращенная к дочери, выстраивалась на

таких аргументах, как любовь родителей – «Мы тебя любим» (5), а также ценность человеческой жизни (5). Наряду с аффективно-ценностной линией присутствует указание на бессмысленность акта (5) или использование идеи греха (1).

Для сравнения, по результатам, полученным нами ранее, [4] родители предлагали разрешать эту гипотетическую ситуацию путем беседы с дочерью в той или иной форме (37 респондентов из 45). Для части респондентов (17) первостепенные вопросы касаются брошюры – откуда она (21) и зачем дочь ее читает (19). В пяти случаях респонденты планировали «поговорить по душам» для того, чтобы получить ответы на эти вопросы. В 5 случаях – обсуждение было нацелено на то, чтобы прояснить позицию дочери о книге и о самоубийстве. В 9 случаях беседа рассматривалась как способ «диагностики» и выявления проблем состояния дочери. Действия, которые респонденты этой группы готовы предпринимать – обращение к психологу (9 ответов), убеждать ребенка в ценности жизни (7 ответов), говорить о любви к ребенку (5 ответов). В единичных случаях респонденты высказывали готовность обратиться к учителю (4), наблюдать за дочерью (4), уделять дочери больше внимания (6). Четверо респондентов вовсе отказались от ответов на вопросы относительно этой гипотетической ситуации. В целом, значительная часть респондентов заявили о готовности задать дочери вопросы в прямолинейной форме, а не использовать более субтильные способы выяснения информации.

Здесь же обратим внимание на тот факт, что ситуация имела большой аффективный резонанс по всех группах. Так, в группе 1 ситуация ассоциировалась с такими реакциями, как: *страх* ($M=5,36, SD=1,95$), *сопереживание* ($M=5,15, SD=2,09$), *жалость* ($M=4,79, SD=1,78$), *горе* ($M=4,55, SD=2,00$), *отчаяние* ($M=4,55, SD=1,68$), *печаль* ($M=4,45, SD=1,86$), *подавленность* ($M=4,45, SD=1,91$), *грусть* ($M=4,39, SD=1,98$), *вина* ($M=4,36, SD=1,80$), *паника* ($M=4,18, SD=1,99$), *сожаление* ($M=4,03, SD=1,94$). Обратим внимание на тот факт, что респонденты в большинстве случаев (21 из 33) предлагали готовые фразы, обращенные к дочери.

В группе 2 наиболее часто декларируемым действием являлись беседа (14) (тема практически не указывалась); в отдельных случаях основные вопросы: «откуда?» и «зачем?» (6). Из конкретных действий в единичных случаях предлагалось или забрать брошюру, или обратиться к психологу.

Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от первой группы, учителя, работающие с подростками, предлагали решать проблемную ситуацию одношагово. В то время, как в группе учителей, работающих с детьми, предлагались двух- и трехшаговые действия.

Анализ ответов на дополнительный вопрос относительно того, как выстроить беседу с дочерью, свидетельствует о том, что, как и в группе учителей, работающих с детьми, с одной стороны, протраивалась линия «диагностики ситуации» – путем прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (7), а также выявления проблем дочери (2). С другой стороны, предлагались аргументы в пользу ценности жизни (5). Обращают на себя внимание аргументы, запрещающие чтение такой литературы (4).

Опять же для сравнения отметим, что в группе родителей подростков основная линия действий в гипотетической ситуации сводится к беседе с дочерью в той или иной форме (31

респондент из 35). Опять же, для части респондентов (16) первоочередные вопросы касаются брошюры – откуда она (17), зачем дочь ее читает (22). Действия, которые респонденты этой группы готовы предпринимать – обратиться к психологу (8 ответов), убеждать ребенка тем или иным образом, чтобы предотвратить необратимый поступок, например, говорить о ценности жизни (8 ответов), говорить о своей любви к ребенку (4 ответа), о том, что проблемы – решаемы (3). В единичных случаях респонденты высказывали готовность обратиться к учителю (3), наблюдать за дочерью (3), уделять дочери больше внимания, организовывать совместный досуг (7) или просто изъять брошюру (6). Один респондент отказался отвечать на вопросы, касательно гипотетической ситуации.

Аффективные реакции на ситуацию в группе учителей, работающих с подростками, были представлены в меньшей степени, чем в группе 1 (6 эмоциональных реакций против 11; четыре реакции совпадают – страх, сопереживание, вина, жалость; две реакции разнятся: ужас и паника): *страх* (M=5,30, SD=2,30), *сопереживание* (M=5,20, SD=2,4), *вина* (M=4,40, SD=2,40), *паника* (M=4,20, SD=2,30), *жалость* (M=4,10, SD=2,30), *ужас* (M=4,10, SD=2,70).

Наконец, анализ декларируемых действий на гипотетическую ситуацию в группе 3 продемонстрировал, что чаще всего предлагается обсуждение ситуации (15), в виде душевной, доверительной беседы, серьезного разговора или в виде «диагностики ситуации» с помощью прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (16). Среди других способов решения ситуации – обращение к помощи специалистов (7) (визит с дочерью к психологу (3) или за советом к учителю или школьному психологу(4)), самостоятельное прочтение книги, чтобы понять суть (5), изъятие книги (4). Единичные ответы касались контроля за социальным окружением – реальными друзьями и контактами в социальных сетях.

В этой группе – по аналогии с группой 1 – чаще предлагались действия в два или три шага (14 из 47).

Уточнение тем с помощью дополнительного вопроса говорит в пользу того, что, как и в группе 2, вырисовывается линия «диагностики ситуации» путем прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (15), а также выявление проблем дочери (7), кроме того, прослеживается и другая линия - выражение любви к дочери (7) и указание на ценность жизни (6). Присутствует запрет на чтение такой литературы (4). В 18 случаях из 47 респонденты формулировали готовые фразы, с помощью которых они бы обратились к дочери. Подчеркнем, что в этой группе респондентов акцент делался не столько на содержании разговора, сколько на том, как его выстроить («по душам», «начала бы разговаривать издалека» и пр.). Эта тема как бы противопоставляется прямолинейным вопросам «зачем?», «откуда?».

Эмоциональные реакции, ассоциирующиеся с ситуацией в группе 3, таковы: *страх* (M=5,48, SD=1,86), *сопереживание* (M=4,91, SD=2,17), *паника* (M=4,57, SD=2,22), *ужас* (M=4,53, SD=2,06), *вина* (M=4,20, SD=1,86), *отчаяние* (M=4,06, SD=2,06).

Выводы

Итак, нами была проанализирована готовность обеспечивать информационную безопасность подросткам в трех группах учителей, отличающихся по опыту взаимодействия со школьниками различного возраста.

Была выявлена специфика способов решения проблемных ситуаций (угрожающая информация в двух рассматриваемых ситуациях: порнографические материалы и брошюра о самоубийстве). В случае порнографического материала (тема оценивается как представляющая умеренную угрозу – попадает во вторую тройку угрозы) было показано, что респонденты испытывают определенное неудобство и растерянность при необходимости обсуждать эту тему с подростком, игнорируют ситуацию или делегируют ответственность отцу подростка. Даже в случае «серьезного разговора» респонденты едва ли готовы указать тему этого разговора, профилактика скорее сводится к рекомендации прочитать литературу. В целом, практически отсутствует сложное решение проблемы (многошаговое, продолжительное по своей форме реализации), респонденты исходят из идеи о том, что проблемная ситуация может быть решена в одно действие и не требует последующего контроля за поведением ребенка. Респонденты, скорее, прибегают к запугиванию, не стремясь объяснить ситуацию и предложить альтернативную схему действий.

Преобладание нормативных, предписывающих элементов над функциональными говорит в пользу того, что учителя едва ли имеют стратегию обеспечения информационной безопасности, которую они используют в повседневной жизни. Этот факт не позволяет принять наше предположение о соотношении предписывающих и функциональных элементов.

Относительно ситуации с брошюрой про самоубийство представляется возможным говорить о том, что ситуация находит эмоциональный отклик во всех группах респондентов, сила и специфика этих реакций различна, сильнее всего это проявляется в группе 1 (11 реакций), в группе 2 и 3 – в менее выраженной форме (по 6 реакций). Респонденты в группах 1 и 3 предлагают более сложные решения гипотетической проблемной ситуации, по сравнению с группой 2.

Наше предположение о сложности стратегии действий в группе 3 получает только частичную эмпирическую поддержку.

Таким образом, поставленная нами изначально цель (анализ обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах учителей) была достигнута, однако у нас есть возможность наметить перспективы изучения проблемы, в частности, дальнейшая линия исследований проблемы информационной безопасности предполагает анализ ситуаций, связанных с экстремизмом и радикализацией в подростковой среде.

Литература

1. Бовина И.Б. Российско-французский проект «Развитие социальных представлений о здоровье у детей и подростков с точки зрения кросс-культурной перспективы» // Специальный выпуск журнала «Вестник РФФИ». 2016. № 2. С. 36–38.
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1)// Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1) // Психология и право. 2017. Т. 7. № 2 С. 19–32. doi:10.17759/psylaw.2017060202
4. Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 4. С. 117–126 doi: 10.17759/psyedu.2016080412
5. «Группы смерти» Вконтакте: взгляд изнутри <https://m.365info.kz/2016/05/gruppy-smerti-vkontakte-vzglyad-iznutri-strogo-18/> (дата обращения: 13.12.2016).
6. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М. Фонд развития Интернет, 2013.

Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 3)

Bovina I.B., Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Gayamova S.Yu., PhD (Psychology), associate professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (sgayamova@yandex.ru)

Milekhin A.V., PhD (Psychology), vice-rector for extra-curricular and social work, Moscow State University of Psychology & Education (milehinav@mgppu.ru)

Budykin S.V., Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (moscow858@yandex.ru)

The presented text is the last part of the article that reported the results of the study about the information security of children and adolescents in groups of teachers. The study was based on the ideas of the social representations theory, in particular, it concerned with the relations in between social practices and social representations. The object of the study was teachers of secondary schools, the sample included 102 people aged from 22 to 65 years, (M = 39.36 years, SD = 11.12 years, 91 women and 11 men). As a matter of the experience with schoolchildren the sample was divided into three groups: teachers of children, teachers of adolescents, and teachers of children and adolescents. To test the assumption concerning the specificity of the social representations as a matter of practice, a questionnaire was developed, it consisted of 6 parts: In the first part, respondents were asked to evaluate information, in terms of the threat it poses to the safety of children and adolescents. In the next four parts of the questionnaire, respondents were asked to answer questions concerning the hypothetical situations, in each case it was necessary to propose a plan of action in the situation. The last part contained socio-demographic issues. The results about last two situations out of four were discussed.

Key words: information security of children and adolescents, social representations theory, informational threat, teachers' actions.

References

1. Bovina I.B. Rossiysko-frantsuzskiy proyekt «Razvitiye sotsial'nykh predstavleniy o zdorov'ye u detey i podrostkov s tochki zreniya kross-kul'turnoy perspektivy» [Russian-French project «Development of social representations about health in children and adolescents from the point of view of a cross-cultural perspective»] // *Spetsial'nyy vypusk zhurnala «Vestnik RFFI» [Special issue of the journal «Vestnik RFBR»]*. 2016. №2 Pp.36-38
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.YU., Milekhin A.V., Budykin S.V. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podrostkov: tochka zreniya uchiteley (Chast' 1)[Social representations of information security of children and adolescents: teachers' point of view (Part1)] [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo*. 2017. Tom 7. № 1. Pp. 1-12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.YU., Milekhin A.V., Budykin S.V. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podrostkov: tochka zreniya uchiteley (Chast' 2) [Social representations of information security of children and adolescents: teachers' point of view (Part2)] [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo*. 2017. Tom 7. № 2. Pp. 19-32. doi: 10.17759/psyedu.2016080412
4. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podrostkov: predstavleniya roditelei [Information security of children and adolescents in the representations of parents] [Elektronnyy resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 117–126. doi:10.17759/psyedu.2016080412. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. «Gruppy smerti» Vkontakte: vzglyad iznutri [“Group of death” in Vkontakte an inside look] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://m.365info.kz/2016/05/gruppy-smertivkontakte-vzglyad-iznutri-strogo-18/> (data obrashcheniya: 13.12.2016)
6. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova Ye.I., Zotova Ye.YU. Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditeley. Rezul'taty vserossiyskogo issledovaniya [Digital competence of teenagers and parents. The results of the All-Russian study]. Moscow, Fond razvitiya Internet, 2013.